

Душин Андрей Владимирович

ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПОВ МЫСЛЯЩЕГО СОЗНАНИЯ В ПАЙДЕЙЕ СОФИСТОВ

Статья посвящена анализу содержания принципов, на которых построена первая в мире система высшего образования. В контексте древнегреческой истории рассмотрены ограниченность и субъективность оснований этих принципов. Показано историческое значение софистов в создании новой педагогики и образования, в становлении человеческого духа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 28-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Белых С. В.** Свобода предпринимательской деятельности как конституционно-правовая категория в Российской Федерации. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
2. **Бутылин В. Н.** Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. 2001. № 12.
3. **Воеводин Л. Д.** Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.
4. **Горшенев В. М., Шахов И. Б.** Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987.
5. **Грачев Н. А.** Судебная защита экономических прав и свобод личности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
6. **Зражевская Т. Д.** Конституционные основы охранительного механизма в правовой системе социализма // Охранительный механизм в правовой системе социализма: межвуз. сб. / под ред. Н. В. Витрука. Красноярск, 1989.
7. **Ларин А. М.** Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Общая теория прав человека / под общ. ред. Е. А. Лукашевой. М.: Норма, 1996.
8. **Мальков В. В.** Соотношение контроля, проверки исполнения и надзора // Советское административное право: общая и особенная части. М., 1973.
9. **Мархгейм М. В.** Защита прав и свобод человека и гражданина в России: опыт системного конституционного осмысления. Ростов-на-Дону, 2003.
10. **Назаров С. Н.** Прокурорский надзор. Ростов-на-Дону, 1999.
11. **Прокуратура Пензенской области.** 2009. Бюллетень № 3.
12. **Прокурорский надзор: прошлое, настоящее и будущее** // Российская юстиция. 2002. № 4.
13. **Сабикенов С.** Некоторые вопросы охраны субъективных прав и законных интересов советских граждан // Проблемы государства и права на современном этапе: труды науч. сотр. и аспиранта. М., 1973. Вып. 6.
14. **Стремоухов А. В.** Правовая защита человека. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007.
15. **Строгович М. С.** Избранные труды: в 3-х т. / редкол.: В. М. Савицкий (пред.) и др. М.: Наука, 1990.
16. **Чурилов А.** Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод граждан // Законность. 1997. № 8.
17. **Ямшанов Я.** Прогноз от Устинова на високосный год // Российская газета. 2004. 13 января.

**EXECUTION MECHANISM FOR CONSTITUTIONAL RIGHT TO FREEDOM
OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Alena Leonidovna Guseva

*Department of State and Legal Disciplines
Penza State University
artguseva@mail.ru*

The author studies the execution mechanism for the constitutional right to freedom of entrepreneurial activity in the Russian Federation. Among execution forms the author pays special attention to the problems of the protection and defense of the right that is relevant in the light of the recent changes in legislation and requires examination, emphasizes that prosecution agencies, taking active part in the execution of human rights work, are given new powers and it identifies their important role in the mechanism of business protection in the Russian Federation.

Key words and phrases: freedom of entrepreneurial activity; execution forms; protection and defense of rights and freedoms; prosecutor's supervision.

УДК 130.122

Статья посвящена анализу содержания принципов, на которых построена первая в мире система высшего образования. В контексте древнегреческой истории рассмотрены ограниченность и субъективность оснований этих принципов. Показано историческое значение софистов в создании новой педагогики и образования, в становлении человеческого духа.

Ключевые слова и фразы: эффективное образование; пайдейя; педагогика; основания принципов мышления; диалектика; логика; риторика.

Андрей Владимирович Душин, к. филос. н., доцент

*Кафедра социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин
Институт экономики предпринимательства, г. Москва
pror_iner@mail.ru*

ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПОВ МЫСЛЯЩЕГО СОЗНАНИЯ В ПАЙДЕЙЕ СОФИСТОВ®

Наивысшего развития греческая культура достигает в так называемый «классический» период, в V-IV вв. до н.э. Победа греков в греко-персидских войнах привела к гегемонии Афин на море, укреплению их

финансовой независимости, росту национального самосознания. При Перикле, которого афинское народное собрание 15 лет подряд избирало стратегом, Афины стали крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром Древней Греции.

Внутри греческого полиса набирала силу потребность в углублении образования как общества в целом, так и отдельного лица. Социум созрел до возникновения греческой пайдеи – нового типа образования, осуществить который было суждено софистике. Если до этого времени государственное руководство было прерогативой родовой аристократии, то с появлением софистов впервые в истории появилось доступное платное высшее образование. Реальное афинское народовластие предполагало участие в управлении государством всех свободных граждан и, соответственно, высокий уровень их политического самосознания, государственной мудрости и компетентности. Бурная политическая жизнь демократических Афин с необходимостью требовала воспитания государственных деятелей, становления нового эффективного образования.

Аристотель в своей «Метафизике» не включил софистов в историю греческой философии. А. Марру также полагает, что софисты не были в строгом смысле мыслителями, не имели отношения к истории философии и науки и оперировали множеством своих либо заимствованных у прежних философов идей [3, с. 78]. Если это может быть справедливо по отношению к так называемым «младшим» софистам, например Критию и Алкидаманту, которые увлекались теоретической риторикой, ораторским искусством и элегией, то Протагора и Горгия все же следует признать философствующими умами. Неслучайно Гегель посвятил обоим софистам параграфы в своих лекциях по истории философии, назвав их глубокими мыслителями, поскольку они делали диалектику, всеобщую философию предметом своего рассмотрения [1, с. 33]. Их связь с философией, по утверждению Гегеля, состояла в том, что они не останавливались на конкретном рассуждении, а шли дальше до последних определений. Используя такое понятие, как мысль, софисты призывали людей использовать мышление вместо предсказаний оракула, прорицаний пифии, собственных страстей и чувств. Посредством свободного мышления, полагали они, человек должен найти общие принципы, руководствуясь которыми следует оценивать предметы и явления действительности.

По-видимому, не отказывая Протагору и Горгию в глубине философских обобщений, можно лучше понять их историческое значение в контексте греческой воспитательной традиции. «Протагор» Платона является прекрасным источником, раскрывающим суть принципов софистического образования. Согласно Протагору, общая цель образования должна реализовываться через особенные практические задачи воспитания хороших граждан, которые приобретали бы смывленность в домашних делах, умение наилучшим образом управлять своим домом, а также наивысшую силу и в поступках, и в речах, касающихся государства [5, с. 166].

В этом практицизме софистов лежит серьезное философское основание. От наивного мышления более древних философов, углубленных в объективность, в предмет, софисты делают следующий шаг. Дух возвращается из объективности в самого себя в форме сознания. На арену выходит сознание, мыслящий субъект. Несмотря на то, что содержание мышления есть лишь «мое» субъективное содержание, это уже значительный шаг вперед, полагающий мысль «абсолютной и единственной сущностью» [1, с. 9]. Мышление ищет общие принципы, основываясь на которых оно может все оценить. Поэтому образование есть приобретенное свободной мыслью собственное убеждение [Там же, с. 10].

Образованный человек отличается от необразованного тем, что с помощью мышления научается выделять, удерживать, сравнивать между собой стороны предмета и точки зрения на него, т.е. придавать им форму всеобщего. Обладая таким многосторонним знанием предмета, человек в состоянии выделить ту его сторону или особенность, которая представляется ему наиболее важной и полезной, что соответствует его убеждениям и принципам.

В разговоре с Сократом, который сомневается в том, что добродетели можно научить, Протагор, напротив, обосновывает мысль о том, что добродетель – дело наживное. Она не принадлежит только архитектору, музыканту или поэту, подобно индивидуальному таланту. «Существует ли нечто единое, в чем необходимо участвовать всем гражданам, если только быть государству?» – спрашивает Протагор. И сам же отвечает Сократу: «Если только существует это единое и если это не плотничное, не кузнечное и не гончарное ремесло, но справедливость, рассудительность и благочестие – одним словом, то, что я называю человеческой добродетелью, и если это есть то, чему все должны быть причастны, и всякий человек, что бы он ни желал изучить или сделать, должен все делать лишь в соответствии с этим единым, а не вопреки ему...» [5, с. 173-174]. «Если бы игре на флейте обучали всех, – говорит Протагор, – то талантливый играл бы лучше бесталанного, но все они были бы сносными флейтистами по сравнению с неучами. Значит, если все люди воспитаны в повиновении законам, то даже если они не всегда их соблюдают, это лучше, чем жизнь людей, у которых нет ни воспитания, ни судилищ, ни законов, ни особой необходимости во всяком деле заботиться о добродетели [Там же, с. 177].

Таким образом, софисты считали, что образование должно опираться не на существующие нравы, обычаи и наивную веру, а на мыслящую рефлекссию, что было безусловным завоеванием. Что же касается принципов мыслящего сознания, то они должны опираться, согласно софистам, на то, что человеку представляется справедливым, исходя из его опыта, характера и т.д. Иначе говоря, образовательная мысль рассматриваемого периода еще не выработала твердых принципов, которые должны лежать в основании мышления, и они полагались субъективно, из внешних оснований. В этом состоит разница в воззрениях софистов, с одной стороны, и Сократа и Платона – с другой.

Гегель писал, что неудовлетворительность воззрений софистов состояла в том, что долга, т.е. того, что следует делать, они не выводили из сущего в себе и для себя понятия о предмете, а решали вопросы

справедливости и несправедливости, пользы и вреда, исходя из внешних оснований, т.е. произвольно [1, с. 18]. В то же время Сократ был первым, кто в качестве цели и назначения личности положил красоту, добро, истину и закон. Другими словами, Сократ и Платон исходили не из чего-то особенного и единичного, и в итоге случайного, а из самого понятия предмета, т.е. всеобщего и более твердого основания. В диалоге «Протагор» Платон показывает, что Сократ исходит не из особенного метода и свойств своей личности, а из того, что он впервые подвел твердый фундамент под деятельность наставников, фундамент, который полностью отсутствовал у софистов [2, с. 139].

Софистов часто обвиняли в том, что они находили любые основания для доказательства «за» или «против» чего угодно. Здесь дело не в злом умысле софистов, хотя они и использовали и омонимию, позволяющую одно и то же слово употреблять в разных значениях, и амфиболию, или двусмысленность выражения в целом, и оксюморон – двусмысленность, возникающую при соединении противоположных по значению слов и т.д. Софисты, будучи образованными людьми, сознавали характер этих рассуждений и их связь с деятельностью рефлектирующего рассуждения. Они знали, что нет ничего незыблемого, а мысль все рассматривает диалектически, поэтому доказать, действительно, можно все что угодно. Например, храбрость, связанная с риском для жизни, может стать сомнительной, если сохранение жизни выдвигается в качестве главного основания. В этом может быть и большое благо, например, убеждение народа и парламента в необходимости военной защиты своего отечества от неприятеля. Также оно может быть и большим злом, когда демагог увлекает за собой народ и власти во имя своих частных интересов.

Следовательно, позиция софистов состояла в том, что, исходя из частных интересов субъекта, они предоставляли свободу «заказчику» в том, какую точку зрения или сторону дела выбирать в качестве основания. Особенно ярко это видно в сфере судебного красноречия. Составитель речи (логограф) составлял тяжущейся стороне речь, в которой оратор возвышенно описывал своего заказчика и его деяния, редко соответствующие действительности, и всеми способами старался очернить противника. Словом, опираясь на произвол субъекта, софисты обслуживали его особенную субъективность, в чем уже тогда заключалась серьезная опасность. Мировая история, как и современная мировая политика, имеет массу примеров, когда злодеяния оправдываются хорошими основаниями и благими намерениями. На исторической сцене должен был выступить Сократ, чтобы доказать, что на место произвола субъекта как единичного основания должно стать добро как всеобщее твердое основание мышления.

Наряду с диалектикой важной стороной софистического образования была риторика. Особенность античной демократии состояла в том, что при отсутствии «средств массовой информации» главным средством влияния на мнение свободных граждан в целом было умение красиво и убедительно говорить. Только искусство убеждения посредством речи и могло привести к выдвижению в государственные лидеры, стать основой блестящей политической карьеры. Практические потребности в словесных победах в политических процессах и судебных тяжбах требовали ловких ораторов. Поэтому обучение софистами ораторскому искусству стало настолько востребовано временем.

Наиболее яркой фигурой в ораторском искусстве принято считать Горгия из Леонтин. Занимаясь происхождением, синонимикой слова и грамматикой, он развил теорию риторики, ставшей впоследствии единым учением. Ему принадлежит ряд риторических методов, так называемых «горгиевых фигур», заимствованных из поэзии и делающих речь убедительнее. Например, в дошедшей до нас речи «Похвала Елене», написанной Горгием на сюжеты Троянской войны, с помощью логических оппозиций автор дает оправдательную оценку виновнице Троянской войны, чем наглядно доказывает мысль о том, что можно убедить в правдивости любой точки зрения.

Однако, несмотря на огромный авторитет Горгия у афинян, Сократ в одноименном диалоге Платона подвергает софиста аргументированной критике. Сократ говорит, что ораторы часто злоупотребляют риторикой для совершения несправедливых и дурных дел, поскольку они убеждают людей в том, что только кажется софистам справедливым [4, с. 121-124]. «Вы готовы обосновывать все что угодно, подобно флюгеру, поворачивающемуся вслед за ветром», – говорит Сократ софистам, критикуя их субъективизм. Риторика, как и другие виды искусства, должна, по Сократу, преобразовывать жизнь по принципам высшего блага, создавая в душе «строй и порядок».

Таким образом, софистов следует признать революционерами человеческого духа, поскольку, занимаясь формообразованием языка, речи и мысли, они создали грамматику, риторику и диалектику, составившие впоследствии *Trivium*, гуманитарный цикл семи свободных искусств. А. Марру справедливо указывает, что культ спорта и тела, господствовавший ранее в Аттике, отошел на второй план, а интерес молодежи устремлен теперь к мыслям Протагора, судебным речам Антифонта и Лисия. Софисты принципиально изменили содержание греческой высокой культуры и образования, привнес в них интеллектуальный, научный, рациональный элемент [3, с. 92].

Период греческой софистики явился, таким образом, ярким этапом субъективной рефлексии. Заслуга софистов состояла не только в распространении интеллектуального образования по всей Греции, но и в привнесении в Элладу духа свободного мышления, в развитии греческой пайдеи на общих принципах мыслящего сознания. Протагоровское положение «человек есть мера всех вещей» представляет, по словам Гегеля, великое слово [1, с. 24]. Однако в силу исторической ограниченности мышления содержание содержания этого принципа оставалось субъективным, основанным на понимании человека со стороны его особенностей и случайных целей. Только у Сократа и Платона основание мышления приобретает всеобщее содержание, но это уже следующий шаг, понимающий разум как цель всех вещей [Там же, с. 25].

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1994. Книга вторая. 423 с.
2. Йегер В. Воспитание античного грека. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. Т. 2. 336 с.
3. Марру А.-И. История воспитания в античности: Греция. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. 432 с.
4. Платон. Горгий // Платон. Диалоги. М.: Астрель, 2011. 240 с.
5. Платон. Протагор // Там же. М.: Астрель, 2010. 352 с.

GENESIS OF COGNITIVE CONSCIOUSNESS IN SOPHIST PAIDEIA

Andrei Vladimirovich Dushin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Social, Classical and Natural Science Disciplines
Institute of Entrepreneurship Economics in Moscow
pror_inep@mail.ru

The author analyzes the principles matter on which the first world system of higher education was created. In the context of ancient Greek history the author considers the restrictions and subjective grounds for these principles, shows the historical significance of Sophists in the formation of new pedagogics and education and in the creation of human spirit.

Key words and phrases: efficient education; paideia; pedagogics; thinking principles grounds; dialectics, logic, rhetoric.

УДК 75.03

Статья анализирует преломление общественной оценки А. Ф. Керенского как исторической фигуры в русской живописи революционной эпохи. Основное внимание в работе акцентировано на трех портретах А. Ф. Керенского, написанных в зените его политической славы, летом 1917 г., И. Е. Репиным и его учеником И. И. Бродским. Автор последовательно рассматривает трактовку внутренней неоднозначности модели в традиционном русском реалистическом портрете и официальном портрете раннего советского искусства.

Ключевые слова и фразы: Временное правительство; революционное искусство; раннее советское искусство; Центральный музей революции; Октябрьская революция; передвижники; психологический портрет; официальный портрет.

Андрей Сергеевич Епишин

Отдел художественной критики

НИИ теории и истории изобразительных искусств РАН

andrei.epishin.z@mail.ru

ТРИ ПОРТРЕТА АЛЕКСАНДРА КЕРЕНСКОГО®

Александр Федорович Керенский оставил яркий след в истории революционной России, став символом восьми месяцев, прошедших с февраля по октябрь 1917 года. В таком качестве он остался в памяти многих русских и советских людей. О Керенском было написано немало, однако на страницах большинства исторических трудов, изданных в советское время, он предстает в довольно карикатурном виде [10, с. 45]. Достаточно вспомнить миф о его переодевании в женское платье то ли медсестры, то ли горничной¹.

Современных искусствоведческих исследований, посвященных произведениям искусства, где так или иначе изображен А. Ф. Керенский, на сегодняшний день существует очень немного. Стоит упомянуть статью Аллы Кононовой «Портрет Александра Керенского работы Бориса Григорьева» [4, с. 221-222], где автор рассматривает вопрос психологической трактовки неоднозначного образа Керенского как политической фигуры. История создания и бытования портретов Керенского кисти И. Е. Репина и И. И. Бродского излагается в статье Т. Петрусевича «Портрет в поисках зрителя» [9, с. 102-105]. В. П. Федюк [11, с. 144] в своей книге «Керенский» также затрагивает феномен «темы Керенского» в советском изобразительном искусстве. Однако парадоксальное преломление исторической и общественной оценки личности Керенского в произведениях живописи октябрьской эпохи – проблема, безусловно, требующая более углубленного изучения.

Александр Федорович Керенский родился в Симбирске 4 мая (22 апреля) 1881 года. Однако с другим, не менее знаменитым, уроженцем Симбирска – Владимиром Ульяновым-Лениным – знаком не был. Керенский и Ленин не встречались никогда, даже в 1917 г., разве что могли видеть друг друга издали. Среди пристрастий, проявившихся у Керенского в годы учебы, можно выделить тягу к сцене, но увлечение театром не мешало Александру Федоровичу успешно учиться. Окончив гимназию с золотой медалью, он уехал в столицу,

© Епишин А. С., 2011

¹ Данный миф прекрасно иллюстрирует полотно художника Г. М. Шегала «Бегство Керенского из Гатчины в 1917 году» (1937-1938, ГТГ), написанное к выставке «20 лет РККА и Военно-Морского Флота».